

УДК 340.115

А.Ю. Мамычев

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

«Постдисциплинарный дискурс» архетипических исследований: постановка проблемы

В статье представлена авторская трактовка развития междисциплинарных и постдисциплинарных стратегий и практик научных исследований, проводится соотношение и взаимодействие последних в контексте познания архетипических основ социокультурной организации. В работе дается содержательное описание «постдисциплинарного поля» архетипических исследований, ориентированного на реконструкцию различных элементов, отношений, связей, контекстов и социально-культурных артефактов, которые вовлекаются в мыследеятельность и коммуникативное взаимодействие людей. Отдельно в статье обсуждаются проблемы постдисциплинарной стратегии архетипических исследований и ее основные программные положения.

Автор обосновывает, что архетипические основы представляют собой устойчивые «осевые элементы», общие направленности и формальные модели, которые задействованы в конкретно-исторических практиках продолжения (воспроизводства), переструктурирования и проживания социокультурной целостности. В свою очередь, социокультурные архетипы рассматриваются в качестве «специфического материала», обеспечивающего преемственную пересборку политического, правового, социально-экономического пространств на различных этапах эволюции конкретного общества.

Здесь можно выделить различные направления «ревизии» социологической науки, например: структурный конструктивизм и конструктивизм в социологии знания; этнометодология и микросоциологический анализ; акторно-сетевая социология или возвращение материальных/природных «объектов» в социологический анализ и др. Зачастую сложность решаемых проблем и вопросов, их многомерный характер требуют настройки более широкой исследовательской оптики, позволяющей схватить и проанализировать то или иное социальное явление или процесс в его комплексности. В этом плане исследование архетипических основ, например, властной организации или правового порядка будет не столько междисциплинарным (например, политико-психологическое, социолого-правовое, культурно-экономическое и другие комплексные исследовательские стратегии), сколько интегративным. Раскрыто содержательное отличие междисциплинарной программы исследования.

Ключевые слова и словосочетания: архетип, дискурс, культура, общество, публично-властная организация, социальная целостность, трансформация социальности, ценностно-нормативная система.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6.

Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института права; e-mail: mamychhev@yandex.ru.

A.Yu. Mamychhev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

«Post-disciplinary discourse» of archetypal research: formulation of the problem

As object of the real work modern transformation of research programs in social science acts. An object of research is the post-disciplinary strategy of archetypic researches of the public and power organization. The author offers an interpretation of development of cross-disciplinary and post-disciplinary strategy and the practical of scientific research and carries out a ratio and interaction of the last in the context of knowledge of archetypic bases of the sociocultural organization. In work the substantial description of the “post-disciplinary field” of archetypic researches focused on reconstruction of various elements, relations, communications, contexts and welfare artifacts which are involved in a communicative interaction of people is given. Separately in article problems of post-disciplinary strategy of archetypic researches and its basic program provisions are discussed.

As conclusions is proved that archetypic bases represent steady “axial elements”, the general orientations and formal models which are involved in concrete historical practitioners of continuation (reproduction), restructuring and accommodation of sociocultural integrity. In turn, sociocultural archetypes are considered as the “specific material” providing successive reassembly of political, legal, social and economic spaces at various stages of evolution of concrete society.

The author proves that through comparison, imitation and creative use of sociocultural canons is carried out successive development of sociocultural integrity this process of “eternal return” or “the same creation” archetypic is invariable, but this invariance belongs to an order of the action (a reconstruction of a community, its structuring, ordering, valuable and standard registration, etc.), but not action of deterministic regularities – to manifestation same archaic material in new welfare conditions.

Keywords: archetype, discourse, culture, society, public and power organization, social integrity, transformation of a sociality, *valuable and standard system*.

Обращение любой социально-гуманитарной науки к ревизии (а не редко и к радикальному пересмотру) своих ценностно-нормативных (аксиологических), теоретико-познавательных (гносеологических) оснований и фундаментальных принципов социальной действительности (онтологических), уточнению своего предмета, целей и задач возможно только в процессе «диалогического» взаимодействия с другими стратегиями и практиками научного познания. В качестве яркого примера можно привести постановку рядом современных авторов под сомнение предметной области социологии, ее классического теоретического фундамента, основополагающих (типичных) научных проблематик, концептуальную ревизию ряда фундаментальных категорий и понятий, «пересборку» методологического инструментария.

Отметим, что в различных теоретико-методологических «версиях» ревизии или радикального пересмотра формируется междисциплинарное поле, с позиции которого выносятся «теоретический приговор» тем или иным классическим дис-

циплинарным постулатам и положениям. Выход за «сконструированный горизонт» и «предначертанную исследовательскую стратегию», очевидно, позволяет поставить совершенно провокационные вопросы, предъявить «методологические претензии» и т.п. Примером таковых «разоблачающих программ» является, например, методологический анархизм Пола Фейерабенда [1] или постмодернистская социально-философская мысль [2; 3; 4].

Теоретико-методологический монизм, как известно из недавней научной истории, если первоначально и «дисциплинирует» научное познание, направляет его на решение актуальных и востребованных проблематик, в конечном итоге формирует «костную», слабо подвижную схему, отрывающуюся от реальности (или конструирующий собственную реальность [5]). При этом альтернативные теоретико-методологические «инъекции» для придания абстрактным схемам гибкости и адекватности существующей социальной действительности табуируются. Конечно, существует и другой крайний полюс – это распыление предметно-целевых границ той или иной научной дисциплины.

Все вышеизложенное в полной мере относится и к архетипическим исследованиям, которые в настоящее время формируют «постдисциплинарное поле» в гуманитарных науках. Мы согласны в этом плане с позицией Стюарта Холла, что дисциплинарный подход существенно снижает потенциал социально-культурных исследований [6]. Так, исследование архетипических основ той или иной социокультурной целостности (как реальной или воображаемой, т.е. воспроизводимой от поколения к поколению в мыследеятельности людей [7]) предполагает архитектурное (многослойное) «строение» осознаваемых (рационально конструируемых), бессознательных (неосознаваемых, но воспроизводимых социально значимых и повседневных сюжетов и форм, культурных аксиом, доминирующих ценностных ориентаций и проч.), эмоционально-психологических (эмоциональные штампы, готовности и т.д.) факторов.

Прежде всего, междисциплинарный подход, по крайней мере в рамках архетипических исследований, изначально был комплексной стратегией, разворачивающейся на платформе одной научной дисциплины. Так, исследования архетипов преимущественно ориентировались на положения аналитической психологии, привлекая для анализа отдельных моментов верификации конкретных положений, социологические методы и приемы, эмпирические данные, материалы и разработки политологии, правоведения и других социально-гуманитарных наук. Нередко в поле архетипических исследований вовлекались и положения биологии, математики, физики и т.д. При этом настройка «исследовательской оптики», акцентуация внимания, формулирование категорий, понятий реализовывались и контролировались дисциплинарным стилем мышления.

Приведём пример: достаточно часто архетипические исследования вовлекают материал из различных социально-гуманитарных систем знания, с целью сформировать иной подход к пониманию и значению архетипа. Однако структурируется последний на основе «дисциплинарных доминант», что не позволяет выйти за установленные границы, сформировать иную программу и «процедуру истины».

В современных архетипических исследованиях обосновывается необходимость обновления теоретико-методологической базы, прежде всего, требование учёта того, что любая социокультурная деятельность это на самом деле процесс свободной и творческой интеракции субъектов. Обосновывается также, что само взаимодействие субъектов в политическом, экономическом, правовом поле не только архетипически, но и социокультурно обусловлено.

С нашей точки зрения, если и говорить об архаическом наследии, то, скорее, как об общих формах и моделях, которые были выработаны людьми на древних этапах развития, сформировав изначальные основания общности/солидарности [8]. Данные общие (архетипические) формы и модели изначально «заряжены» на сохранение человеческого в человеке, воспроизводство общинности и солидаристских устремлений, устранение или замену природной агрессии на социокультурные формы легитимного насилия [9].

Например, выработанные символические формы и подражательные механизмы формируют первые миметические комплексы, которые основаны сначала на подражании естественной природе [10], а затем подражании уже сформированной искусственной природе (социальному порядку взаимоотношений), прошлым символическим и культурным формам и практикам взаимодействий [11]. В этом аспекте архаичность сформировала основу, базовые аутентичные формы общественной целостности, выступающие образцами для последующих социокультурных и институциональных (политических, правовых, социально-экономических и др.) трансформаций.

Следовательно, специфика «обновленных» архетипических проектов исследования, о которых говорилось выше, заключается в том, что любое изучение локальных архетипов, этнонациональных кодов памяти сообщества, неосознаваемых моделей и форм общественного взаимодействия и т.п. должно осуществляться на основе познания специфики психологического отражения и регулирования на уровне сознания/неосознания, с привлечением положений и достижений других наук [12]. При этом, например, исследование социокультурной ментальности также осуществляется в основном через реконструкцию архаических структур, устойчивых образов и сюжетов: «являясь комплексной по своему характеру... разрабатывается в различных отраслях знания. Однако главная роль в ее исследовании, несомненно, принадлежит психологии» [13].

Другой аспект постдисциплинарной исследовательской платформы заключается в том, что классическая дисциплинарная структурированность социально-гуманитарной науки является условностью. Например, в исследовательском проекте М. Деметрадзе интегрируются различные дисциплины (социология, политология, правоведение, культурология и т.д.) на социокультурной основе. И, соответственно, теоретико-концептуальная и методологическая база различных социально-гуманитарных дисциплин представляет собой «совокупность дополняющих друг друга приемов и методик», согласованных на антропологической основе. Эта исследовательская установка выступает не в качестве какой-либо доктрины или гегемонистической системы, задающих новую парадигму, а общей матрицы социокультурной методологии, «обладающей способностью выявлять проблемы,

давать их характеристику и снабжать исследователей информацией, необходимой для эффективного государственного управления» [14].

Постдисциплинарный подход акцентирует внимание не на дисциплинарной «принадлежности», с платформы которой реализуется взаимодействие различных наук, а на само исследуемое явление. Здесь положения, методы и приемы различных дисциплин вовлекаются в совместное со-творчество, в научную коммуникацию по поводу познаваемого явления. При этом сложность исследуемого явления и «многообразие объектно-предметного поля, специфика многих исследовательских задач предполагают самое широкое использование в процессе анализа данных не только гуманитарных (социальных), но и естественных наук и дисциплин, а также междисциплинарных подходов и методов» [15].

«Постдисциплинарное поле исследования», по большому счету, следует рассматривать в качестве научной метафоры, чем строгого научного понятия, поскольку последнее базируется на целой серии идейно-смысловых основ и системе ключевых понятий, разрабатываемых в различных дисциплинах. Так, В. Куренной обосновывает, что социокультурные исследования в целом позиционируются путем очерчивания особого поля или стратегии исследования, используя метафору «постдисциплинарного поля исследований, связанного с определенным ансамблем ключевых понятий и практических установок» [16].

Отметим, что последнее не подменяет и не отменяет междисциплинарный принцип познания, свойственный для постнеклассической рациональности [17], напротив, постдисциплинарность дополняет междисциплинарный подход и «страхует» его от приоритета одного дисциплинарного измерения. «Постдисциплинарное поле» формирует холистическое мышление, базирующееся не на фрагментации различных сторон изучаемого явления и представлении системы знаний о нем в структурном виде, а на целостном восприятии, переживании, проживании последнего.

При этом сами рамки дисциплинарности рассматриваются как аналитические инструментари и приемы, в качестве относительно условных границ, поскольку комплексный исследовательский проект основывается на свободном, равноправном коммуникативном диалоге между различными системами знаний. В этом «научном коммуникативном диалоге» происходит перенос «когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую», формируется платформа для совместных проектов исследования, осуществляется «стимулирование синергии между дисциплинами и подлинная интеграция знания. Она лежит в русле нынешней практики трансформации знания, поиска конструктивного решения проблем и вовлечения ученых в решение проблем реального мира» [18].

Постдисциплинарная стратегия исследований выстраивается не на основе какой-либо дисциплины, задавая и ограничивая тем самым проблемное поле и теоретико-методологический арсенал. Напротив, формируется «комплексная предметная ориентированность», не ограниченная строгими дисциплинарными рамками, «втягивая» в коммуникативный процесс – достижения и положения, прежде всего, различных социально-гуманитарных наук. Хотя нередко, как замечалось выше, в поле таковых исследований вовлекаются категории, понятия и

идейно-концептуальные новации естественно-технических наук. Другой пример – формирование философской системы, основанной на математическом обосновании социального и политического Алена Бадью [19].

В постдисциплинарное поле исследований входят все элементы, отношения, связи, контексты, социально-культурные артефакты и проч., которые вовлекаются в мыследеятельность и коммуникативное взаимодействие людей. Например, комплексность такого подхода, хотя и несколько «ангажированного», характеризует Стюарт Холл: «Культурные исследования занимаются всеми теми практиками, институтами и системами классификации, посредством которых населению прививаются определенные ценности, верования, способности, рутинные жизненные практики и привычные формы поведения» [6].

В этом плане важными в социокультурном исследовании являются различные формы связей и взаимосвязей, а также их изменения и трансформации. Нам представляется, что затянувшийся период постмодернистской дефрагментации, «разоблачения» любых общественных скреп актуализирует проблематику общности, тематизирующую в мыследеятельности людей вопросы совместного сосуществования и восстановления устойчивых основ для последнего. В целом мы придерживаемся позиции, согласно которой социокультурное проживается и одновременно творится постоянно, это не застывший конструкт, а динамическое целое, которое схватывается интуитивно как целостное переживание и воспроизводится в практической мыследеятельности людей.

Проблематика переструктурирования, пересборки обусловлена творческими и инновационными моментами, возникающими в развитии социокультурной и в частности, публично-властной организации. При этом крайним, радикальным вариантом трансформации (как процесса более общего, нежели специфические процессы – модернизм и консерватизм) социокультурной организации является, с нашей точки зрения, понятие «кризис», который может либо привести к разрушению социокультурного целостного и устойчивого эволюционного феномена, либо предложить новые форматы и направления его трансформации.

Действительно, самые сильные впечатления, которые «впечатываются» в устойчивые представления и/или кардинально изменяют процесс социокультурной трансформации, связаны с радикальной утратой «социального порядка, гибель норм и “различий”, задающих культурные категории... распад институтов стирает или схлопывает иерархические и функциональные различия, придавая всему вид одновременно и монотонный, и монструозный» [11]. Из истории, например, государственно-правовой трансформации мы знаем, что период слома социокультурной целостности ведет к крушению политико-правовой организации. Однако затем, как это неоднократно подтверждалось историческим опытом социокультурной трансформации, архетипические основания «запускают» процессы переструктурирования идейно-смысловых основ, реорганизации или пересборки публично-властного пространства за счет новых идейных основ и процедур истины.

Важно подчеркнуть, что формирование новых идейно-смысловых оснований публично-властной организации, ее развитие и институционализация реализуются не на пустом месте, а под воздействием социокультурных архетипов. Формирова-

ние и принятие этих оснований – выбор как самих конкретных мыслителей, так и, если выразиться опять-таки метафорично, самой истории. Это выбор/принятие, по своей сути, – исторический произвол, который в свое время фундаментально описывал П. Бурдьё. Французский социолог достаточно много писал о взаимосвязи социокультурного контекста («хабитус»), творческой активности мыслителя (действия и взаимодействие акторов) и процесса институционализации, которые взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга [20].

С нашей точки зрения, этот процесс принятия/выбора идейно-смысловых оснований и формирования в соответствии с ним, в частности, публично-властной организации общества (мыслительных и институционально-нормативных структур, определенной системы категорий, принципов мышления, оценки, социальных статусов, иерархий и т.д.) следует расширить ещё одним (четвертым) элементом – архетипическими формами и схемами, обеспечивающими направленность этого процесса [21]. Как отмечалось выше, эта направленность связана с сохранением человечности в человеке, возможностью социальной общности как таковой: её воспроизводство реализуется на основе устойчивых – общих (архетипических) и специфических (социокультурных) форм и моделей.

Важно, что этот процесс «однотипного творения» архетипически неизменен, но эта неизменность принадлежит *порядку самого действия* (воссоздание общности, ее структурирование, упорядочивание, ценностно-нормативное оформление и т.д.), а не действию детерминистских закономерностей – проявлению одного и того же архаичного материала в новых социально-культурных условиях. Как справедливо в этом плане отмечает В.В. Аверьянов, человек традиции мыслит и действует «под руководством и без руководства, поскольку критерий коррекции его погружения в полноту традиции находится в нем самом, в его сознании своей связи и связанности с предшественниками и высшим духовным миром» [22].

В свою очередь, конкретно-историческое принятие/выбор идейно-смысловой основы провозглашается затем естественным/универсальным фундаментом, что влечет за собой установление различий в качестве конститутивных элементов и активизацию процессов нормирования, что впоследствии легитимирует конкретную публично-властную организацию, определенную иерархическую структуру, консервативные механизмы её сохранения и поэтапного развития. В этом плане элементы структурирования и нормирования задают саму конкретно-историческую политико-правовую реальность.

-
1. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
 2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
 3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
 4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
 5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.
 6. Hall S. Cultural Studies and Theoretical Legacies // Cultural Studies. London; N.Y.: Routledge, 1992. 380 p.

7. Исаев Н.А., Честнов И.Л. Социокультурная антропология права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.
8. Дронов В.Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 157–160.
9. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
10. Уилсон Э. О природе человека. М.: Кучково поле, 2015. 352 с.
11. Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Изд-во ББИ, 2016. 518 с.
12. Гостев А.А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Институт психологии РАН, 2015. 479 с.
13. Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Институт психологии РАН, 2015. 479 с.
14. Деметрадзе М. Социокультурная антропология. Исследование социальных, культурных, правовых, политических и экономических процессов. Palmarium Academic Publishing. 2014. 504 с.
15. Ирхин Ю.В. Методология и методика современного политического анализа: подходы и проблемы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. №6 (26). Т. 5. С. 71–80.
16. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 14–79.
17. Киященко Л.П., Степин В.С. (ред.) Постнеклассика: философия, наука, культура: монография. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. 672 с.
18. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник ТГПУ. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
19. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2016. 192 с.
20. Бурдьё П. Социология политики. М: Socio-Logos, 1993. 336 с.
21. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетей, 2013.
22. Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М.: Институт динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012. 696 с.

© А.Ю. Мамычев, 2017

Для цитирования: Мамычев А.Ю. «Постдисциплинарный дискурс» архетипических исследований: постановка проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 18–25.

For citation: Mamychyev A.Yu. «Post-disciplinary discourse» of archetypal research: formulation of the problem // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 18–25.

Дата поступления: 20.03.2017.